

**СОВЕТСКАЯ
МИЛИЦИЯ**

**ЭПОХА
ПОРЯДКА**

Валерий ШАРАПОВ

**Кровавая
кулиса**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник — *Павел Магась*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Кровавая кулиса / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Советская милиция. Эпоха порядка).

ISBN 978-5-04-199383-2

В своей квартире зверски убита актриса Марианна Полянская. Расследование поручено капитану Владиславу Урядову и старшему лейтенанту Александру Дееву. Оперативники выявляют основных подозреваемых — племянницу убитой, которой та незадолго до смерти завещала квартиру, и бывшего мужа актрисы. Оба в бегах, значит, действительно причастны к расправе над родственницей. Сыщики организуют поиски и вскоре задерживают беглецов. Но на допросе выясняется неожиданное: оказывается, племянница актрисы была в тот роковой день в квартире тети и видела все своими глазами...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199383-2

© Шарапов В., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

Августовское солнце разливало теплые лучи по московским улицам. В этот год в начале августа температура воздуха днем не опускалась ниже двадцати пяти градусов тепла, балуя школьников, отдыхающих на летних каникулах, радуя дачников, с нетерпением ожидающих, когда поспеют на кустах пузатые томаты, щадя водителей трамваев, вынужденных кататься по кругу вместо того, чтобы нежиться на пляже где-нибудь в пригороде на Москве-реке. Легкий ветерок нежной свежестью шевелил начинающую увядать зелень листвы, красные флаги на правительственных зданиях и многочисленные занавески в цветочек в распахнутых настезь окнах многоэтажек.

Дом номер семнадцать на Серпуховской улице не был исключением. Тюли и занавески с первого до последнего этажа синхронно колыхались в такт августовскому ветру. Исключением было лишь одно окно на втором этаже. Закрытые фрамуги, задрапированные толстыми шторами, выбивались из общего

рисунка. Редкие прохожие с недоумением покачивали головами, удивляясь странным предпочтениям хозяев квартиры, которые добровольно замуровали себя пыльными шторами в такой чудесный день.

Они бы сильно удивились, если бы узнали, что хозяйка квартиры номер семнадцать ничуть не меньше своих соседей любит свежий воздух. Более того, август месяц для нее имеет особое значение, и все же она намеренно отказывалась от прохлады, свежего воздуха и прочих благ последнего летнего месяца. Ради чего? Ради искусства, разумеется!

Да-да, именно ради искусства актриса знаменитого московского театра имени Пушкина Марианна Полянская задрапировала все без исключения окна в трехкомнатной квартире, некогда принадлежавшей ее семье, а теперь являющейся исключительно ее собственностью.

В скромной квартире на Серпуховской Марианна Полянская проживала добровольно. Много раз ей предлагали переехать в более престижный район, где и квартиры больше, и контингент жильцов намного благонадежнее, но всякий раз актриса отказывалась от лестного предложения. К чему ей другая квартира, когда здесь, на Серпуховской, прошло ее детство? Здесь она сделала свои первые шаги по дощатому полу «трешки», в те времена немалой роскоши даже для коренных москвичей. Здесь она окончила школу, здесь познала первую любовь, вышла замуж, а затем

благополучно развелась. Отсюда, из этих стен, проводила в последний путь отца и мать. Так чего ради теперь, когда жизнь клонится к закату, когда за плечами пятьдесят лет и перспектива обзавестись семьей уже не светит, вдруг что-то менять?

И потом, в квартире она проводит не так много времени, а из театра ее возит на шикарной «Волге» личный водитель, так что неудобств удаленность от цивилизации актрисе не приносит. Здесь и только здесь она чувствует себя комфортно, к тому же ее квартира имеет несомненное преимущество перед любыми новомодными и престижными апартаментами. Стены квартиры практически звуконепроницаемы. Об этом позаботился покойный отец Полянской, еще в те времена, когда она, худощавый подросток с тонкими косичками, торчащими в разные стороны, жирными прыщами по всему лицу, но несокрушимой верой в свою исключительность, объявила родителям, что собирается стать актрисой. И не просто актрисой, а великой актрисой всех времен и народов.

Полянская до секунды помнила тот день, когда поняла: театр — это ее призвание. Случилось это в далеком тридцать шестом году, когда ее, тринадцатилетнего подростка, мать повела во МХАТ, где гениальный Николай Горчаков ставил пьесу не менее гениального Михаила Булгакова «Мольер». Шестнадцатое февраля 1936 года — этот день она

будет помнить до конца жизни. Спектакль произвел настоящий фурор. Занавес поднимали двадцать два раза, требуя аплодисментами актеров и автора на сцену. А она, скромная Маречка, так ласково называли ее родители, сидела не дыша, боясь пошевелиться и спугнуть тот восторг, который был рожден в ее сердце гениальной игрой актеров.

«Я тоже так хочу! Хочу волновать сердца людей так, чтобы было больно дышать, чтобы каждая клеточка испытывала трепет. Что сравнится с тем восторгом, который должны испытывать актеры после такого спектакля? Да, я должна стать актрисой! Я должна сыграть роль Мадлены и произнести ее трагический монолог так, чтобы у зрителя остановилось сердце от боли и сострадания!» Примерно такую речь Полянская произнесла перед матерью и отцом, вернувшись из театра. Мать печально покачала головой и отвела взор, а отец, крикнув, заявил: «Что ж, придется озаботиться звукоизоляцией. Если ты желаешь стать актрисой, начинать тренироваться нужно уже сейчас».

И она начала тренироваться, отдавая все силы, всю глубину своей души творчеству. Она жила мечтой, что когда-нибудь она выйдет на сцену в костюме Мадлены Бежар, возлюбленной Жана-Батиста Поклена де Мольера, трагическая судьба которой вдохновила ее на титанический труд, и покорит сердца своего зрителя.

К славе Полянская шла долгим тернистым путем. Война, будь она неладна, спутала планы девочки-подростка. В сорок первом с военным эшелоном ее семья переехала в далекий город Оренбург, в те времена переименованный в Чкалов, где у матери жили родственники. Там Полянская прожила девять лет, но ее мечта о театре не угасла, и как только семья вновь вернулась в Москву, первое, что она сделала, — записалась на театральные курсы при не так давно открывшемся театре имени Пушкина.

1950 год был для молодого театра и его новоиспеченного главного режиссера Василия Ванина знаковым годом. Большая часть труппы досталась Ванину по наследству от закрытого Камерного театра, здание которого и отдали под Пушкинский театр. Чтобы «вливать в потрепанные вены свежую кровь», Ванин организовал при театре курсы для молодых актеров, набирая в труппу и тех, кто успешно обучался театральному делу, и тех, кто обучение только планировал. Перед Ваниным Полянская выступала со знаменитым монологом Наташи Ростовской. Монолог «У зеркала», пронизанный жгучей сладостью и любовью, был выбран не случайно. Полянская понимала, что в свои двадцать семь не сможет произвести впечатление на главного режиссера выбором «старухи» Мадлены Бежар, но исполнить что-то столь же душераздирающее очень хотелось.

Монолог «У зеркала» имел успех, Полянскую зачислили в театральную студию и в тот же год предложили играть в основной труппе. Без образования и опыта, без специальных навыков и знания закулисных привычек! Это была настоящая удача, которой Полянская обязана великому Ванину, разглядевшему в неуклюжей девушке потенциал. В благодарность за предоставленную возможность Полянская ни разу за двадцать три года театральной карьеры не изменила Пушкинскому театру, несмотря на то что предложения поступали в большом количестве.

И вот теперь, после двадцати трех лет верности, Марианна Полянская собиралась изменить родному Пушкинскому и уйти во МХАТ. Почему? Да потому что в этот год режиссер МХАТа вновь планировал ставить «Мольера». Да-да, ее «Мольера»! Как могла Полянская упустить такую возможность? С далекого тридцать шестого неоднозначного «Мольера» ставили всего однажды в театре Ленинского комсомола, и пробиться в труппу оказалось нереально. Полянская даже не пыталась. Но теперь... Теперь она не могла себе позволить спасовать, не могла упустить и этот шанс. В родных стенах Пушкинского роли Мадлены ей не дождаться, она давно это поняла. Вот почему в конце театрального сезона она отказалась от выездных гастролей, сославшись на слабое здоровье, которое в последние годы и правда ее подводило, и осталась в Москве.

Она сама пошла во МХАТ, добилась встречи с главным режиссером и с порога заявила, что роль Мадлены должна играть она. Без перехода она прочла монолог Мадлены. Прочла так, что главный режиссер, повидавший на своем веку немало актрис, какое-то время не мог произнести ни слова, замороженный игрой Полянской. Обретя дар речи, он сказал всего два слова: «Роль ваша». Полянская поклонилась и вышла. Окрыленная успехом, она прилетела домой и с тех пор репетировала, репетировала и репетировала. Что значил затхлый воздух в квартире по сравнению с тем счастьем, которое испытывала актриса! Она будет играть Мадлену Бержар! Она будет играть возлюбленную Мольера! И не где-нибудь, а на той самой сцене, на которой она впервые увидела Мадлену и влюбилась в эту роль окончательно и бесповоротно.

— Я родила ее в провинции, уехав на время от Мольера. Когда же она выросла, я привезла ее в Париж и выдала за свою сестру. Он же, обуреваемый страстью, сошелся с нею, и я уже ничего не сказала ему, чтобы не сделать несчастным и его. Из-за меня он совершил смертный грех! — последнее слово взлетело к потолку на пронзительно высокой ноте, Полянская поморщилась и рухнула на диван. — Нет! Это никуда не годится! Просто не годится!

Полянская репетировала роль почти три месяца, до премьеры оставалось не больше трех недель,

и оттачивать мастерство, по сути, не было необходимости, но актрисе казалось, что она все еще не готова. Превозмогая усталость, она заставила себя подняться, сделала два глубоких вдоха и начала сначала.

— Я родила ее в провинции...

Звонок в дверь прервал монолог. Актриса поморщилась, но пошла открывать. Не накинув цепочку, распахнула дверь и воззрилась на седенькую старушку, стоявшую на пороге.

— Доброго денечка, Марианна Николаевна, — приветливо поздоровалась старушка и тут же перешла к нравоучениям: — Снова вы распахиваете дверь, не озаботившись тем, чтобы поинтересоваться, кто к вам пожаловал! Сколько раз ваш покойный отец предупреждал вас, что подобное поведение недопустимо, тем более в наши беспокойные времена!

— Бросьте, Антонина, кому придет в голову лезть в квартиру одинокой актрисы? Что, скажите на милость, у меня брать? Старые занавески или, быть может, газеты пятилетней давности?

— Не скажите, Марианна Николаевна, вор, он всегда найдет, чем поживиться. — Старушка бесцеремонно отодвинула хозяйку, освобождая проход, и прошла в гостиную. — Ох, ну и духотища у вас! Вы бы хоть окна открыли, впустили свежий воздух. На улице погода просто волшебная, а у вас здесь как в склепе.

— Вы же знаете, Антонина, я репетирую. Звуки с улицы мешают сосредоточиться. — Полянская прошла следом за старушкой, предварительно прикрыв входную дверь.

— Снова репетируете? Ох, Марианна Николаевна, вам о старости думать пора, о том, кто поднесет вам стакан воды перед смертью, а вы все роли учите!

— Я еще не так стара, — обиженно произнесла Полянская. — К тому же мне есть кому поднести стакан воды.

— Это вы о Лизавете? Хороша подмога! — Старушка фыркнула, выражая презрение. — И где же ваша помощница сейчас? Крутит хвостом перед очередным ухажером?

— Лиза не настолько ветрена, как вам бы хотелось думать, — вступилась за девушку Полянская. — Она учится в институте. А кавалеры? Так что с того? Ей всего двадцать четыре, может позволить себе душить голову парням.

— Она и вам голову задурила, — гнула свое старушка. — Какая она вам родня? Седьмая вода на киселе, а туда же, в племянницы набивается. И как вы не понимаете, что весь ее интерес сводится к столичной жилплощади!

— Она действительно моя племянница, пусть и двоюродная. К тому же у нее, как и у меня, родни не осталось. Почему мы не можем искренне привязаться друг к другу и поддерживать нежные отношения?

— Нежные отношения? Когда это Лизавета была к вам нежна? Разве что после того, как вы на нее свою квартиру переписали. Да ваша матушка в гробу перевернулась, когда вы совершили эту глупость! И это в пятьдесят-то лет!

— Все, хватит. Мне надоел этот разговор. — Полянская решительно взмахнула рукой, заставляя старушку замолчать. — Говорите, зачем пришли, и уходите. У меня нет времени на разговоры обо всех этих глупостях.

— Я почтальон, моя дорогая, зачем еще я могу к вам прийти, если не по трудовой надобности? — Старушка поставила на стол потрепанный портфель из кожзаменителя, отщелкнула никелированный «язычок», покопалась в недрах баула и выудила на свет толстую пачку писем, перевязанных бечевкой. — Вот. Это за две недели.

— Все мне? — Полянская не сумела скрыть радости. — Надо же, все пишут.

— Ваши поклонники знают вам цену, не то что эта пигалица Лизавета. — Старушка не упустила возможности подпустить шпильку. — Она хоть к вам захаживает иногда?

— Разумеется, Антонина. — Полянская положила руку на плечо старушки. — Лиза приходит ко мне почти каждый день. И сегодня собиралась, так что беспокоиться обо мне не стоит. У меня все хорошо, и Лиза обо мне заботится. Это правда.

КРОВАВАЯ КУЛИСА

— Хорошо, коли так. — Старушка внезапно прослезилась. — Эх, Марианна Николаевна, я ведь с вашей маменькой пуд соли съела, вы у меня на глазах из прыщавой пигалицы в невероятную красавицу превратились, а теперь вот живете в своей квартире как затворница. Ни семьи, ни детей.

— Только не начинайте, Антонина, — в голосе Полянкой зазвучали предостерегающие нотки. — Вы знаете, я нисколько не жалею о своем решении.

— Выгнать мужа за один проступок? Разве же это решение? Это глупость несусветная, вот что я вам скажу. И кто из мужиков не погуливал в свое время? Думаете, мой благоверный так все пятьдесят лет нашей совместной жизни возле моей юбки просидел? Нет и нет! Гулял и он, да только остепенился, когда я ему Сашеньку родила. И ваш бы остепенился, а вы его поганой метлой!

— Ладно, Антонина, за письма спасибо, за заботу тоже благодарю, но в жизнь мою не лезьте. Я с ней сама разберусь.

Полянская положила письма на стол и решительным шагом направилась к входной двери. Старушке-почтальону не оставалось ничего другого, как только последовать за хозяйкой. Распроставшись на пороге, старушка ушла. Полянская вернулась в комнату и принялась разбирать письма. Обычно актриса радовалась, получая письма поклонников. Она перебирала их, прочитывая каждое от начала